

Нужен ли Кузбассу «экономический ребрендинг»? К разработке новой стратегии социально-экономического развития Кемеровской области

Ю. А. ФРИДМАН, доктор экономических наук.

E-mail: yurifridman@mail.ru

Е. Ю. ЛОГИНОВА, кандидат политических наук.

E-mail: katrin.2007@mail.ru

Г. Н. РЕЧКО, кандидат экономических наук,

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск.

E-mail: rgn.kem@mail.ru

В статье рассматривается трансформация конкурентных преимуществ, вызовов и угроз для Кемеровской области в контексте разработки новой Стратегии социально-экономического развития региона. Обсуждается необходимость «экономического ребрендинга» Кузбасса.

Ключевые слова: регион, стратегия развития, конкурентные преимущества, вызовы и угрозы, ребрендинг

«Вы думаете, всё так просто?»

Да, всё просто. Но совсем не так...»

Альберт Эйнштейн

В апреле 2017 г. губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев выразил недоумение по поводу развития новых угледобывающих проектов в Якутии и Туве [1]. Глава региона усомнился в необходимости освоения новых угольных месторождений на востоке страны, поскольку сегодняшняя добыча в Кузбассе «перекрывает все потребности в угле», так что Минэкономики России «надо оценить, нужно ли нам освоение на Дальнем Востоке новых угольных месторождений, которое запланировано и обсуждается». В контексте разработки новой стратегии развития Кемеровской области мнение губернатора служит своеобразным «сигналом» к продолжению дискуссии о месте и роли региона в будущей экономической модели России [2].

Рекомендовано развиваться «как вся Россия»

К середине «нулевых» большинство субъектов Российской Федерации приняли свои концепции / программы стратегического развития, и Кузбасс был в их числе. В отсутствие официально «прописанных» стратегических приоритетов пространственного развития страны региональные лидеры брали на себя инициативу и старались убедить федеральный центр в том, что их видение развития территории и есть «государственная стратегия».

В Кузбассе были разработаны три такие программы. Одна из них – **Программа экономического и социального развития Кемеровской области на 2005–2010 гг.** – была разработана Советом по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС) под руководством академика А.Г. Гранберга. Документ создавался в соответствии с Программой социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.). В качестве основной цели Программы определялось «*формирование новой модели экономики Кузбасса* в результате совершенствования инструментов региональной политики; технологической и институциональной модернизации предприятий областного хозяйства; активного развития наукоемкого малого бизнеса и создания новых видов производственной и сервисной деятельности; реструктурирования социальной и инженерной инфраструктуры, системы социальной защиты области» [3. С. 58].

Среди главных конкурентных преимуществ, имевших место на момент разработки документа, названы:

- сильная и авторитетная региональная исполнительная власть, способная к выгодному для региона взаимодействию с основными бизнес-группами;
- компактность территории при хорошей развитости транспортной сети;
- мощный накопленный промышленный потенциал предприятий угольной, металлургической, химической промышленности;
- значительный уровень урбанизации и пригородный характер сельского хозяйства, благоприятные почвенно-климатические условия;
- высокий уровень образования инженерных кадров и наиболее развитая в Сибири система профобразования;
- хорошая интеграция городской и сельской местности [3].

К основным вызовам авторы Программы отнесли:

- ✓ дефицитный областной бюджет;
- ✓ удаленность области от основных рынков сбыта;
- ✓ значительный удельный вес устаревших активов в угольной, черной металлургии и химической промышленности, недостаточные темпы их модернизации;
- ✓ большая доля убыточных предприятий в некорпоративном секторе экономики;
- ✓ сильная депопуляция населения и сокращение числа занятых, высокий удельный вес пенсионеров;
- ✓ сохранение информационной закрытости прежней ВПК-ориентированной экономики;
- ✓ отставание по уровню инновационности развития от соседних сибирских регионов и высокоиндустриальных регионов-аналогов;
- ✓ наследие изношенной ведомственной социальной и инженерной инфраструктуры, значительная доля ветхого жилья;
- ✓ тяжелая, отчасти кризисная, экологическая обстановка [3].

На основании сопоставления конкурентных преимуществ, вызовов и рисков авторы Программы в качестве ключевой идеи развития региона объявили «преодоление прошлых проблем и исправление ошибок». Они не увидели необходимости «вписать» Кузбасс в систему мировой экономики и рассматривали регион в качестве «производственной единицы» тогдашней российской экономики. При этом, что на тот период регион:

- был «твердым середняком» среди российских регионов (по мнению одного из ведущих специалистов в области сравнительной оценки уровней развития регионов, Кузбасс занимал срединное положение между «худшим из группы лучших регионов» и «лучшим из группы худших» [4]);
- был лидером в Сибирском федеральном округе (СФО) по темпам роста инвестиций (в 2004 г. инвестиционный рост в Кузбассе достиг 69% к уровню 2003 г., по итогам 2005 г. инвестиции в основной капитал выросли ещё на 30%). Темпы роста инвестиций в основной капитал значительно опережали динамику важнейших показателей производства в регионе и были главным фактором роста экономики;
- входил в топ-3 регионов СФО (наряду с Красноярским краем и Томской областью), чей душевой валовой региональный

продукт (ВРП) был близок или превосходил средний общероссийский показатель;

– занимал лидирующие позиции среди регионов СФО по уровню региональной конкурентоспособности¹;

– региональная власть во главе с А.Г. Тулеевым на протяжении 2000-х гг. отличалась высокой стабильностью и эффективностью в решении социально-экономических вопросов, пользовалась большой популярностью и поддержкой у населения, а сам губернатор входил в тройку самых эффективных региональных руководителей;

– имел достаточно высокий уровень согласованности экономических интересов бизнеса и региональной власти (в отдельные периоды, по нашей оценке [6 и др.], этот показатель доходил до 50–55%);

– лидировал как регион с самым низким уровнем бедности населения не только в СФО, но и РФ (что отличало только три сибирских региона) [7. С. 90–91];

– имел высокий и стабильный рейтинг кредитоспособности. По оценке Рейтингового агентства АК&М [8], в 2004 г. Кемеровская область занимала 33-ю позицию (по итогам 2003 г. – 47-ю) в списке субъектов РФ. Рост рейтинга закреплял за Кузбассом солидную репутацию надежного заемщика.

Развитие по принципу «как весь мир»

В середине 2000-х гг. власти региона под влиянием целого ряда внутренних и внешних факторов (глобализация экономики, обострение межрегиональной и межстрановой конкуренции за рынки сбыта, необходимость привлечения и рационального использования инвестиций) заявили о необходимости разработки новой стратегии развития.

Два документа – **Программа экономического и социального развития Кемеровской области на период 2007–2012 гг. и Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г.**² – появились на свет как результат поиска новых экономических моделей развития региона. Разработчиками документов выступили региональная администрация и Фонд «Центр стратегических разработок “Северо-Запад”».

Основная цель Программы (2007–2012) сформулирована как *«создание благоприятных условий для повышения качества и уровня жизни населения Кемеровской области путем стимулирования экономического роста, модернизации инфраструктуры, поддержки социальной сферы и повышения эффективности предоставляемых государственных услуг»* [9. С. 6].

Среди ключевых проблем социально-экономического развития региона были названы:

- неустойчивость развития экономики Кемеровской области;
- снижение человеческого потенциала;
- потребность в модернизации системы расселения и улучшения условий;
- необходимость повышения эффективности государственного управления и снижения угроз безопасности населения.

Разработчики «погрузили» регион во внешнюю среду и оценили его потенциал в русле развития российского и глобального рынков.

Таким образом, произошла смена «ракурса» оценки региона и перспектив его дальнейшего развития. Программа 2005–2010 гг. предполагала *поиск «трамплина» для развития области через модернизацию базовых элементов региональной социально-экономической системы с учетом интересов регионального бизнеса и использования уже имеющихся наработок*. В отличие от нее Программа 2007–2012 гг. *призывает к освоению новых, потенциально успешных практик*. Соответственно, авторы Программ по-разному смотрят на основные конкурентные преимущества, ключевые вызовы и угрозы социально-экономическому развитию региона: преодоление негативных последствий прошлого против освоения инновационных, технологических заделов на будущее.

Трансформация подхода к определению рисков и приоритетов развития Кемеровской области отражает те изменения, что в 2000-х гг. претерпевала позиция региональной власти в отношении видения будущего Кузбасса и направлений поиска новой экономической модели. *На смену вектору на сохранение региона как стабильной «производственной единицы» пришло стремление вписать область в систему координат открытой экономики, обеспечить комфортные условия жизни для населения*.

В числе основных конкурентных преимуществ названы:

- расширение портфеля ресурсов региона за счет восполняемых ресурсов (знаний, навыков, умений и пр.);

¹Сравнительный анализ результатов количественной оценки конкурентоспособности см., например: [5].

² Программа и Стратегия утверждены в 2008 г.

- возможность развития базового сектора за счет размещения на территории области технологических звеньев финишных переделов сырьевых ресурсов;
- обеспеченность природными ресурсами, их комплексное использование;
- высокий уровень образования трудовых ресурсов, мотивация к занятию более сложным трудом, ставка на рост стоимости человеческого капитала;
- большой рынок в стране и за рубежом для высокотехнологичной продукции;
- значительный заказ на технологический и квалификационный рост со стороны предприятий базового сектора региона [9].

Авторы программы увидели следующие основные вызовы и риски:

- √ отсутствие современного технологического задела;
- √ дефицитный региональный модуль национальной инновационной системы (устаревшая вузовская система, слабое развитие инжиниринговых услуг, отсутствие механизма трансферта знаний и технологий и пр.);
- √ дефицит ключевых компетенций, обеспечивающих вход на глобальный рынок в сегментах высокотехнологичной продукции;
- √ отсутствие резидентов – агентов новой экономики, оказывающих влияние на национальный и глобальный рынок;
- √ концентрация капиталовложений в традиционных производствах, дефицит инвестиций в новую экономику;
- √ рост импорта технологий в форме готовой продукции;
- √ высокий уровень конкуренции на глобальном рынке;
- √ несоответствие сложившейся пространственной организации региона его претензиям на новые функции (проигрыш другим городским центрам по уровню развития городской среды, развитию уникальных инновационных компетенций, состоянию окружающей среды и пр.) [9].

Программа (2007–2012), как следует из ее текста, является «инструментом реализации» Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу, соответственно, цели этих документов увязаны между собой. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. определяет стратегической целью «повышение конкурентоспособности региона и рост на этой базе

благополучия его жителей» [10. С. 102]. Авторы документа считают основными *рисками для Кузбасса*:

- зависимость экономики и бюджетной сферы региона от конъюнктуры на мировых товарных рынках угля и металла;
- ухудшение ресурсной базы Кемеровской области (включая экологические риски);
- технологическое отставание региона;
- недостаточное инфраструктурное обеспечение;
- несбалансированность рынка труда;
- неустойчивость системы расселения, снижение демографического потенциала и неэффективное пространственное развитие;
- административно-политические и законодательные риски.

В Стратегии отмечается, что в долгосрочной перспективе основным сценарием развития Кузбасского региона будет «*сценарий роста с сохранением базового сектора экономики*». Рассматриваются два варианта такого развития событий. *Первый – инерционный* – обеспечивает рост за счет усиления сырьевой специализации региона (наращивания добычи и первичной переработки). Он опирается на уже существующие тренды развития и на пакет реализуемых либо пребывающих в процессе подготовки к реализации проектов. *Второй – целевой (активный)* – предполагает достижение конкурентоспособности в опоре на рост технологий и человеческого капитала. При этом расширение базового ядра экономики идет в направлении как глубины переработки добываемого сырья, так и включения в него новых видов производственной деятельности. Отраслевая диверсификация происходит за счет разной «скорости» роста отдельных секторов при общем росте экономики региона в номинальном выражении по всем направлениям.

В конечном итоге последний вариант базового сценария оказывается предпочтительнее, поскольку обеспечивает высокую устойчивость экономики к различным рискам, порождаемым «моносекторностью хозяйства».

К сожалению, авторы Стратегии-2025 попали в «ловушку» модной потребительской модели развития. Проведенный глубокий профессиональный анализ конкурентных преимуществ, вызовов и угроз «подвинул» их на вывод о необходимости использования моделей «внутреннего роста». Несколько лет, последовавших за принятием Стратегии, были периодом, когда сравнительно активно стали предприниматься попытки практического воплощения

ее идей. Но экономический кризис 2008–2009 гг. поставил под сомнение как сами стратегические приоритеты, так и возможность их реализации с точки зрения пользы для региона.

В конце 2010 г. на фоне продолжающегося мирового экономического и финансового кризиса и явных провалов «принятых моделей развития» в Кемеровской области начался процесс актуализации Стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. Результатом стала «Рабочая тетрадь» [11], в которой нашли отражение актуальные вопросы, связанные с корректировкой Стратегии-2025. В ней констатируется, что новые драйверы экономического роста, заявленные в Стратегии – оптовая и розничная торговля, «городские» услуги (автосервис, жилищный ремонт, бытовые услуги и проч.), «другие отрасли промышленности»³ – не смогли подтвердить свою состоятельность в этом качестве, поскольку в регионе отсутствовали конкурентные преимущества для реализации таких моделей развития. Одновременно власть «нащупала» новые «точки роста» – метано-угольная, нефтеперерабатывающая отрасли, формирование энергоугольных кластеров, переработка отходов – и «точки стабильности» в кузбасской экономике: сельское хозяйство, пищевая промышленность, химическое производство.

Проведенный анализ исполнения Стратегии, по мнению составителей «Рабочей тетради», позволял утверждать, что реализация документа подвергается следующим рискам [11. С. 24]:

- основные стратегические направления не найдут необходимой поддержки среди крупного и малого бизнеса, населения, муниципальных образований и локальных элит, а также Правительства РФ;
- не будет в достаточной мере реализован управленческий потенциал: объем и характер оперативных задач по администрированию региональной экономики не позволит сконцентрироваться на реализации стратегических задач;
- ресурсы для развития могут закончиться быстрее, чем будут сделаны позитивные сдвиги (истощение инфраструктуры и человеческих ресурсов, исчерпание экологической емкости региона);
- существенное изменение внешних условий для развития поставит под вопрос целесообразность реализации стратегических

³ Формулировка из текста Стратегии [10].

инициатив (в частности, нестабильность сырьевых рынков будет «возвращать» регион на «точку отсчета»).

В 2012 г. кузбасские власти назвали новые приоритеты модернизации экономики Кемеровской области [12]:

- развитие угольной отрасли в направлении глубокой переработки ресурсов, а также внедрения инновационных и безопасных технологий разработки угольных пластов;
- формирование кластеров в сфере угольной промышленно-сти и энергетики, химическом и агропромышленном комплексах, промышленности по переработке отходов, машиностроении, туризме и других отраслях;
- развитие транспортной, энергетической, коммунальной инфраструктуры;
- изменение структуры экономики путем диверсификации экономики, поддержки альтернативных точек роста, повышение конкурентоспособности кузбасской продукции;
- внедрение инновационных производств и услуг;
- техническое обновление материально-технической производственной базы.

В конце 2016 г. было заявлено о предстоящей разработке [13] новой Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г.

Нужен ли Кузбассу «ребрендинг»?

К большому сожалению, к моменту начала работы над новой стратегией развития регион подошел с огромным количеством проблем, растеряв на последнем десятилетнем отрезке многие конкурентные преимущества⁴. Многие, но не все.

Во-первых, несмотря на деиндустриализацию 1990-х гг., приведшую к уничтожению в Кемеровской области целых отраслей и промышленных кластеров, Кузбасс сохранил и развил угольно-металлургический кластер, не утратил потенциал в ряде сегментов машиностроения, химической промышленности, индустрии строительных материалов, пищевой отрасли.

Во-вторых, в Кемеровской области действует единственный в РФ научный центр Российской академии наук по проблемам угля и углекислоты. Немаловажно и то, что на расстоянии всего

⁴ Подробнее см., например: [6].

300 км от региона расположены более 30 институтов Сибирского отделения РАН с огромным научным потенциалом и сотнями научно-исследовательских разработок.

В-третьих, в Кузбассе функционируют определенные институты инновационного развития. Например, в рамках реализации комплексной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»⁵ только в десяти регионах России, в том числе в Кемеровской области, организованы технопарки.

В-четвёртых, в Кузбассе за последние годы накоплен серьезный опыт в сфере решения проблем моногородов, каковыми являются 24 территории региона⁶. Пять территорий (Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Таштагол, Юрга, Анжеро-Судженск) получили федеральную поддержку – 4,5 млрд руб., что помогло привлечь более 50 млрд руб. частных инвестиций и создать 21 тыс. рабочих мест [15]. Два моногорода – Юрга и Анжеро-Судженск – к настоящему моменту имеют статус территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), основными целями создания которых являются «формирование благоприятной среды для привлечения инвестиций и организация новых несырьевых производств товаров, предназначенных, в том числе, для поставок на экспорт» [16]. На получение статуса ТОСЭР претендуют еще несколько кузбасских городов.

Однако количество внешних и внутренних вызовов и угроз для региона по-прежнему остается довольно внушительным, и находятся они в экономической, политической, социальной и экологической плоскостях. Основные из них: падение уровня жизни населения; низкий уровень развития инновационных отраслей и производств; относительно большой внешний долг; коррупция во власти, низкое качество управления регионом.

Заметим, что факторы уровня жизни, платежеспособность и эффективная власть десять лет назад были в «списке» конкурентных преимуществ региона.

Самой большой проблемой региона, по нашему мнению, является постоянно снижающийся на протяжении последнего

десятилетия уровень жизни населения, который опустился в Кузбассе со второй строки до показателей, более низких, чем у большинства промышленно развитых регионов СФО (таблица).

Динамика основных индикаторов уровня жизни в РФ в 2005–2015 гг. (в ценах соответствующих лет)

Регион	Реальные денежные доходы, % к предыдущему году			Кoeffициент фондов (коэффициент дифференциации доходов)*, раз		
	2005	2010	2015	2005	2010	2015
Российская Федерация	111,7	105,4	95,9	14,8	16,5	15,7
Кемеровская область	112,5	104,8	94,2	13,7	14,6	11,4
Новосибирская область	117,8	103,3	92,2	12,7	15,1	11,4
Томская область	110,8	102,5	101,0	12,6	13,0	11,1
Красноярский край	107,5	100,8	97,2	14,3	17,4	14,1
	Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц			Кoeffициент Джини (индекс концентрации доходов)**		
Российская Федерация	8088	18958	30474	0,405	0,421	0,413
Кемеровская область	7889	15341	21845	0,394	0,404	0,369
Новосибирская область	6639	16276	24186	0,384	0,408	0,369
Томская область	8142	15070	24860	0,383	0,387	0,365
Красноярский край	7790	18262	27123	0,400	0,427	0,398
	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения			Расходы консолидированного бюджета региона***, руб., в расчете на душу населения		
Российская Федерация	17,8	12,5	13,3			
Кемеровская область	12,8	11,0	15,7	20308	42438	51964
Новосибирская область	21,9	16,3	18,2	15735	38462	52516
Томская область	16,4	17,4	17,2	19582	40722	59632
Красноярский край	21,4	17,9	18,8	24877	59568	81133

Примечания:

* Коэффициент фондов характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими и с самыми низкими доходами.

** Коэффициент Джини характеризует степень отклонения фактического распределения общего объёма денежных доходов от линии их равномерного распределения. Может варьироваться от 0 до 1 (чем выше значение, тем более неравномерно распределены доходы в обществе).

*** Рассчитано авторами по данным Росстата.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 222–223, 228–229, 266–267, 258–259; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 162–163; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 172–173.

⁵ Одобрена распоряжением Правительства РФ № 328-р от 10.03.2006.

⁶ Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) утвержден распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р [14].

Реальные денежные доходы населения постоянно сокращаются, начиная с первого квартала 2013 г. По нашим оценкам⁷, за 2013–2016 гг. реальные доходы населения региона упали более чем на 20% (по России в среднем – чуть более 5%).

Утрачены позиции региона и по среднедушевым денежным доходам населения: ещё в 2005 г. их уровень в Кемеровской области практически соответствовал среднему по России, через десятилетие Кузбасс выделяется среди соседей самым низким уровнем среднедушевых денежных доходов, которые к тому же были на треть ниже средней по России отметки. Как результат, доля бедного населения в Кемеровской области растёт и уже превысила средний по России уровень.

В 2014–2015 гг. в Кемеровской области, как показывают проведенные расчеты, были самые низкие среди соседних сибирских регионов расходы консолидированного бюджета региона на душу населения. Всё это говорит об ухудшении систем жизнеобеспечения населения в области, которая десять лет назад была одной из лучших в Сибири.

Снижение уровня жизни ведёт к оттоку населения и сокращению трудовых ресурсов. Например, только за 2010–2016 гг. численность трудоспособного населения снизилась в регионе более чем на 164 тыс. чел. При этом доля трудоспособных в общей численности населения сократилась с 62% (2010) до 56% (2016). Регион «стареет»: по итогам 2016 г. в Кемеровской области на одного пенсионера приходилось 2,3 работника, тогда как в 2005 г. – 3,3⁸.

Ни одна из прежних программ и стратегий не была реализована в части оптимизации структуры народного хозяйства.

По-прежнему в валовом региональном продукте Кемеровской области доминирует промышленное производство (48,4% в 2015 г.), а внутри него – топливно-сырьевой сектор (почти 53%). Ставка на новые драйверы развития, заявленные в Стратегии-2025 (оптовая и розничная торговля, «городские» услуги (автосервис, жилищный ремонт, бытовые услуги и проч.) и «другие отрасли промышленности»), провалилась. Удельный вес оптовой и розничной торговли в структуре ВРП снизился за десять лет с 13,8%

⁷ Расчеты выполнены на основе данных официальной статистики (Росстата и Кемеровостата).

⁸ Данные Кемеровостата и расчеты авторов по ним.

до 9,4%, не увеличился удельный вес сферы гостиничного и ресторанного бизнеса (около 1%). Строительство, которое в соседних регионах является локомотивом роста, в Кузбассе «топчется на месте» (его удельный вес практически не меняется, оставаясь на уровне примерно 5%). Все предложения о создании в Кемерове финансового центра так и остались разговорами (удельный вес финансовой деятельности в структуре ВРП – 0,2%).

Объём производства инновационных товаров, работ и услуг составил в 2015 г. в Кузбассе 32,4 млрд руб., или 2,9% от их общего объема. Для сравнения: в Красноярском крае эти показатели достигали 58,8 млрд руб. и 4% соответственно, а в Новосибирской области удельный вес инновационной продукции в общем объёме отгруженных товаров оценивался в 10% (2015). Затраты на технологические инновации в Кемеровской области одни из самых низких в СФО: 3,8 млрд руб. против 11,6 млрд руб. в Томской области⁹.

Вместе с тем, по нашим оценочным расчетам, «вклад» угольного кластера (добыча и переработка, транспортировка угля, угольное машиностроение, сервис и ремонт, «угольная наука и образование») в ежегодный ВРП региона превышает 50%. Исходя из этого, бессмысленно говорить об «угольной игле», «угольном проклятии». Кузбасс ещё несколько десятилетий будет «столицей» угольной России. Но риски и вызовы на этом пути развития сегодня нельзя минимизировать «включением» административного ресурса.

В 2014–2016 гг. нами проведено исследование, в котором доказано, что **инновационное развитие** угольного бизнеса в Кузбассе может выступать драйвером роста всей экономики региона [17, 18, 19]. В работе рассматривались все имеющиеся на текущий момент «на столе» концепции монетизации угольных ресурсов. К сожалению, наши оценки показали, что предлагаемые в них краткосрочные ориентиры не выдерживают кризисных шоков, а долгосрочные не имеют в текущих условиях технологических, финансовых, кадровых и иных ресурсов для практической реализации. Подавляющее большинство из этих «точек роста» способны принести реальную отдачу и обеспечить

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016.

существенный рост региональной конкурентоспособности лишь в горизонте 20–25 лет.

По нашему мнению, необходимо искать новые «точки роста» в угольном кластере региона. Для подтверждения этого тезиса обратимся к Стратегии привлечения инвестиций в Кемеровскую область на период до 2030 г.¹⁰ Она определяет следующие приоритетные для региона инвестиционные направления: развитие метано-угольной и нефтеперерабатывающей отраслей; формирование энергоугольных кластеров; развитие машиностроительных кластеров, создание сервисных центров для обслуживания горно-шахтного оборудования и специализированной техники; переработка отходов; развитие инновационного, биомедицинского и туристического кластеров. Из них пять прямо или косвенно связаны со сферой добычи и переработки угля, в том числе с получением продуктов углехимии.

Четыре последних года было потрачено на «подготовку региона» к инновационному скачку через создание мощных энергоугольных и углехимических кластеров: разработаны концепция и бизнес-проекты, проведены несколько тематических международных конференций и семинаров. Однако в настоящее время в России и мире отсутствует экономическая целесообразность в организации крупнотоннажного производства химической продукции на основе альтернативных доминирующим источникам углеводов, что ставит кузбасские проекты «в лист ожидания» на долгие годы.

В результате действия целого ряда негативных факторов на протяжении последних пяти лет Кемеровская область сталкивается с серьезными проблемами обеспечения сбалансированности консолидированного бюджета¹¹. Кризис в ключевых бюджетобразующих отраслях (угольной и металлургической), сложная общероссийская внешняя и внутренняя экономическая ситуация, обусловленная действием санкций в отношении РФ, падение потребления и реальных доходов населения, а также инвестиционной и предпринимательской активности привели

к снижению поступлений в кузбасский бюджет не только от базовых отраслей, но и от предприятий в сфере строительства, транспорта и связи, розничной торговли и финансовой деятельности.

Кемеровская область оказалась в числе регионов, испытавших наибольшее падение собственной доходной базы: если в среднем по стране в 2011–2015 гг. налоговые и неналоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации выросли на 31%, то в Кузбассе наблюдалось снижение на 3,3% к уровню 2011 г. В целом по итогам 2015 г. налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета Кемеровской области составили 108 538 млн руб., что ниже уровня 2011 г. на 3 680 млн руб., в том числе по налогу на прибыль – на 12 873 млн руб. (или на 35,8%) по сравнению с 2011 г.

По оценке Рейтингового агентства АК&М [21], по итогам 2015 г. в Кемеровской области отношение объема государственного долга к доходам бюджета (без учета финансовой помощи из федерального бюджета) составило 53,79% (среднее значение по субъектам РФ – 49,5%), в рейтинге относительной кредитоспособности регион опустился до 40-й позиции (по итогам 2005 г. – 31-я) в списке субъектов РФ.

Проблемы с бюджетом¹² вынуждают власти «давить» на бизнес. Бизнесу все труднее согласовывать свои и региональные интересы. И если крупный, в первую очередь, угольный бизнес способен договориться с властями, то средний и малый покидают регион: количество предпринимателей, которые переводят место регистрации своего бизнеса из Кемеровской области в соседние регионы, ежегодно возрастает (см., например [23, 24, 25, 26] и др.).

К важнейшим вызовам относится и снижение управляемости регионом, что является следствием накопленных в кузбасской экономике проблем. В Рейтинге эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2016 г., который подготовили Агентство политических и экономических коммуникаций

¹² Справедливости ради нужно отметить, что рост цен на уголь в середине 2016 г. позволил Кемеровской области получить дополнительный налог на прибыль и нормализовать ситуацию: по итогам 2016 г. бюджет региона был выполнен с итоговым дефицитом в 3,89 млрд руб. А на 2017 г. Кузбасс «впервые за долгое время» сформировал бездефицитный бюджет. Заметим, что в первый и последний раз сбалансированный областной бюджет в регионе был исполнен в 2008 г. [22]. Однако долг продолжает «давить» на конкурентные позиции региона.

¹⁰ Стратегия привлечения инвестиций в Кемеровскую область на период до 2030 г. утверждена распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области № 68-р от 30 января 2013 г. Распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области № 520-р от 1 августа 2014 г. в Стратегию внесены ряд изменений.

¹¹ Здесь и далее приводятся данные из [20].

и Лаборатория региональных политических исследований НИУ «Высшая школа экономики», Кемеровская область заняла 21-е место [27]. Для сравнения: годом ранее Кузбасс находился в итоговом рейтинге на 6-й позиции [28], а по результатам 2014 г. располагался на 3-м месте, входя в группу лидеров рейтинга [29]. Внимания заслуживает тот факт, что столь *стремительное падение рейтинговых позиций региона произошло на фоне общего роста эффективности региональной власти в стране*. Кемеровскую область, по мнению экспертов, «тянут» вниз показатели финансово-экономического блока (эффективность экономического управления, улучшение инвестиционного климата, эффективность бюджетной политики).

Таким образом, проблемы в экономике, будучи сегодня основным риск-фактором для региона, способны оказаться, на наш взгляд, ключевой угрозой и для социально-политической стабильности в Кузбассе. В этой связи вызывают беспокойство и другие актуальные вызовы развитию области: среди них – проблема коррумпированности высшего звена регионального руководства, о чем свидетельствуют, например, недавние скандалы [30, 31]; нехватка высококвалифицированных специалистов для управления муниципальными образованияами [32]. Между тем, как показывают результаты выборов в различные органы исполнительной и законодательной власти Кемеровской области, нынешняя правящая элита еще обладает определенным кредитом доверия населения для осуществления экономической модернизации Кузбасса.

Что хотелось бы увидеть в Стратегии Кемеровской области (вместо заключения):

1. Несмотря на то, что угольный кластер и сегодня, и в перспективе 10–15 лет будет играть основную роль в развитии региона, новая Стратегия развития должна служить целям нового «брендинга»¹³ Кузбасса в качестве региона, по нашим оценкам, как минимум с 30%-м уровнем инновационной продукции в структуре ВРП. Только при таком посыле может быть обеспечено необходимое качество роста экономики региона.

2. В составе Стратегии должны быть разработаны несколько программ, ориентированных на использование имеющихся конкурентных преимуществ Кемеровской области и преодоление существующих долгосрочных рисков и угроз. В частности, необходимы программы роста конкурентоспособности, минимизации рисков, роста качества жизни, модернизации промышленности, производства инноваций, развития науки и высшей школы¹⁴, а также программа «Вытягивающие проекты» [33. С. 146].

3. Стратегия развития должна определить в регионе «опорные зоны» (города/районы), которые обладают потенциалом для опережающего развития в рамках нового «брендинга» Кузбасса и способны взять на себя функцию «локомотивов» для остальных территорий области.

4. Для реализации Стратегии развития Кемеровской области должна быть создана «дорожная карта», которая содержала бы четкие целевые ориентиры и конкретные мероприятия, направленные на практическое воплощение идей трансформации экономики и социальной сферы региона.

Литература

1. URL: <https://kommersant.ru/doc/3281997#comments> (дата обращения: 26.04.2017).
2. Точки роста для Кузбасса // Авант-ПАРТНЕР РЕЙТИНГ.– 2017.– № 2 (51).– Апрель-июнь.– С. 20–31. URL: <http://avant-partner.ru/rang/6937.html> (дата обращения: 06.06.2017).
3. Программа экономического и социального развития Кемеровской области на 2005–2010 годы.– Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС). – М.-Кемерово, 2004. URL: http://www.ako.ru/official/strukt/ECONOM/upp_o2005.asp (дата обращения: 06.04.2017).
4. Суслицын С. А. Показатели положения регионов в 2004 г. // Регион: экономика и социология.– 2005.– № 2.– С. 233–240.
5. Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Пимонов А. Г. Конкурентные позиции региона в условиях инновационного развития экономики // Регион: экономика и социология.– 2016.– № 4.– С. 218–236.
6. Фридман Ю., Речко Г., Блам Ю., Пимонов А. Измерение уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики Кемеровской области // Вестник Кузбасского государственного технического университета.– 2008.– № 5.– С. 98–103.

¹³ Понятие бренда региона заимствовано у В.Е. Селивёрстова [33].

¹⁴ Заметим, что решение о создании базового регионального университета на базе Кемеровского государственного университета и есть один из шагов нового брендинга региона.

7. Регионы России: цели, проблемы, достижения. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007 / под общей ред. С. Н. Бобылева и А. Л. Александровой. – М.: Весь Мир, 2007. – 144 с. URL: http://www.undp.ru/nhdr2006_07rus/NHDR_Russia_2006-07rus.pdf (дата обращения: 08.06.2017).
8. Исследование относительной кредитоспособности субъектов РФ в 2005 (по итогам 2004 г.). Рейтинговое агентство АК&М. URL: <http://www.akmrating.ru/ru/ranking/index/9> (дата обращения: 09.06.2017).
9. Программа экономического и социального развития Кемеровской области на период 2007–2012 гг. URL: <http://www.ako.ru/Ekonomik/program.asp?n=0&sn=1> (дата обращения: 15.03.2017).
10. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года (утв. законом Кемеровской области № 74-ОЗ от 11.07.2008). URL: <http://keminvest.ru/ru/pages/54d0384e4465624bbe0a0000> (дата обращения: 15.04.2017).
11. Рабочая тетрадь. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. URL: <http://www.ako.ru/STRATEG/default.asp> (дата обращения: 25.04.2017).
12. Распоряжение Коллегии администрации Кемеровской области № 271-р от 28.03.2012 «Об основных направлениях модернизации экономики области и актуализации стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2025 года с учетом развития территориальных кластеров». URL: ako.ru/PRESS/MESS/TEXT/STR/rk_28-03-12_271.docx (дата обращения: 06.04.2017).
13. URL: http://www.sndko.ru/news_event_a/7023.html (дата обращения: 15.02.2017).
14. URL: <http://base.garant.ru/70707138/#ixzz4jU2jeXtY> (дата обращения: 07.06.2017).
15. URL: <http://keminvest.ru/ru/posts/578c68b577686f0734180000> (дата обращения: 25.05.2017).
16. Моногорода станут территориями комфортного проживания // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – 2016. – 9 авг. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deposobezcne/2016090801> (дата обращения: 05.06.2017).
17. Fridman Yu.A., Rechko G. N., Loginova E. Yu. Route map for innovation development in coal-mining Kuzbass // Journal of Mining Science. – 2015. – Vol. 5. – Is. 5. – P. 924–929.
18. Фридрих Ю. А., Речко Г. Н., Блам Ю. Ш., Пимонов А. Г. Оценка и анализ влияния драйверов роста на конкурентоспособность региона // Региональная экономика. Юг России. – 2016. – № 2. – С. 25–35.
19. Фридрих Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю., Пимонов А. Г., Блам Ю. Ш., Оськина Н. А. Инновационное развитие сырьевой отрасли и конкурентоспособность региона // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2016. – № 4. – С. 114–123.
20. Программа финансового оздоровления Кемеровской области на 2016–2019 годы (утв. распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области от 28.10.2016 № 453-р) // Официальный сайт Административной Кемеровской области. URL: <http://ako.ru/zakon/viewzakon.asp?C74455=On> (дата обращения: 28.02.2017).
21. Исследование относительной кредитоспособности субъектов РФ в 2016 (по итогам 2015 г.). Рейтинговое агентство АК&М URL: <http://www.akmrating.ru/ru/ranking/index/26> (дата обращения: 09.06.2017).
22. Бюджет стал бездефицитным // Авант-ПАРТНЕР РЕЙТИНГ. – 2017. – № 2 (51). – Апрель-июнь. – С. 4–6. URL: <http://avant-partner.ru/rang/6937.html> (дата обращения: 06.06.2017).
23. Руководство Кузбасса обеспокоено оттоком предпринимателей из региона // ИА ИНТЕРФАКС–СИБИРЬ. – 2016. – 23 нояб. URL: <http://interfax-russia.ru/Siberia/news.asp?id=785379&sec=1679> (дата обращения: 01.06.2017).
24. Тулеев призвал налоговиков к лояльности, чтобы остановить отток бизнеса // РИА НОВОСТИ. – 2016. – 30 сент. URL: <https://ria.ru/economy/20160930/1478232648.html> (дата обращения: 01.06.2017).
25. ФНС отвергла обвинения губернатора Тулеева в излишней жесткости к бизнесу // РИА НОВОСТИ. – 2016. – 6 окт. URL: <https://ria.ru/economy/20161006/1478653506.html> (дата обращения: 01.06.2017).
26. Потапова Ю. Неутешительные выводы // Российская газета – Экономика Сибири. – 2015. – 17 сент. – № 6779. URL: <https://rg.ru/2015/09/17/reg-sibfo/bisnes.html> (дата обращения: 15.05.2017).
27. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2016 г. URL: http://www.apescm.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=3272 (дата обращения: 01.05.2017).
28. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2015 г. URL: http://www.apescm.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=2362 (дата обращения: 10.06.2017).
29. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2014 г. URL: http://www.apescm.ru/projects/item.php?SECTION_ID=92&ELEMENT_ID=1499 (дата обращения: 10.06.2017).
30. Главу кемеровского СК и двух вице-губернаторов подозревают в вымогательстве 1 млрд рублей // Официальный интернет-сайт газеты «Коммерсантъ». – 2016. – 14 нояб. URL: <http://kommersant.ru/doc/3143045>.
31. Лавренков И., Сергеев С., Перцев А. Кузбасс предстал в «Инском» разрезе // Газета «Коммерсантъ». – 2016. – 15 нояб. URL: <http://kommersant.ru/doc/3143247> (дата обращения: 25.11.2016).
32. Тулеев А. Г.: Кемеровской области не хватает управленцев в селах и городах // ТАСС. – 2017. – 26 янв. URL: <http://tass.ru/sibir-news/3973416> (дата обращения: 15.05.2017).
33. Селиверстов В. Е. Сибирская школа стратегического планирования / под ред. В. В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – 199 с.